

На правах рукописи

НАКАРЯКОВА АННА АНДРЕЕВНА

**ПЕРСОНОСФЕРА ВЛАДИМИРА НАБОКОВА:
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ РЯДЫ**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Екатеринбург – 2016

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX и XXI веков Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент
Матвеева Юлия Владимировна

Официальные оппоненты:

Барковская Нина Владимировна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Уральский
государственный педагогический
университет», профессор кафедры
русской литературы и методики ее
преподавания;

Медведев Александр Александрович,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Тюменский
государственный университет», доцент
кафедры русской литературы.

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО «Томский
государственный педагогический
университет»

Защита состоится 9 июня 2016 года в 11.00 на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=255825>.

Автореферат разослан « » 2016 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,

доктор филологических наук, доцент Е.Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творчество Владимира Набокова изучалось и изучается подробнейшим образом российскими и западными исследователями. Количество работ, ему посвященных, превышает количество им написанного в несколько раз. Его изучают как писателя-эмигранта, как писателя-модерниста и одновременно – постмодерниста, как писателя русского и англоязычного. Глубоко и подробно исследуется тема памяти в произведениях Набокова. Так, например, В. Ерофеев¹ пишет о проблеме непреодолимости «тюрьмы настоящего и невозможности возвращения», о «бремени памяти» (памяти об изначальном, идеальном состоянии мира), которое писатель нес всю жизнь, о «рае детства» писателя. Б.В. Аверин², Б. Бойд³ также изучают связь писателя с потерянной Родиной, значение образа России в его произведениях. Во многих литературоведческих штудиях набоковианы заостряется внимание на моментах биографии автора, «подаренных» его героям, о чем, в частности, пишут в своих работах А. Долинин⁴, Б. Носик⁵, З. Шаховская⁶; проводятся параллели между писателем и его персонажами, изучается интеллектуальный и творческий контекст (Н.А. Анастасьев⁷, О.А. Гурболикова⁸, С.А. Кибальник⁹, Л. Ливак¹⁰, Е. Литварь¹¹ и др.), реальное литературное окружение художника (О.Ю. Воронина¹², О.А. Коростелев¹³, М.О. Швабрин¹⁴, С. Шифф¹⁵, М. Шраер¹, Д. Циммер² и др.). Многие научные работы,

¹Набоков В.В. Собр.соч. в 4 т. Сост. В.В.Ерофеев. – М.: Правда, 1990. Т.1. – С. 15.

²Аверин Б.В. Дар Мнемозины: романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. – СПб.: Амфора, 2003.

³Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. – СПб.: Независимая Газета: Симпозиум, 2001.

⁴Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове. – СПб.: Академический проект, 2004.

⁵Носик Б. Мир и Дар Набокова. – СПб.: Золотой век, 2000.

⁶Шаховская З.А. В поисках Набокова: отражения. – М.: Книга, 1991.

⁷Анастасьев Н.А. Владимир Набоков. Одинокий король. – М.: Центрполиграф, 2002.

⁸Гурболикова О.А. Тайна Владимира Набокова. – М.: РГБ, 1995.

⁹Кибальник С.А. ГайтоГазданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. – СПб.: Петрополис, 2011.

¹⁰Livak L. How It Was Done in Paris. Russian Émigré Literature and French Modernism. Madison: The University of Wisconsin Press, 2003.

¹¹Литварь Е.А. Владимир Набоков и Анри Бергсон: резонанс смыслов и образов // Театр. Живопись. Кино. Музыка. – 2011. – №3. – С. 175-186.

¹²Воронина О.Ю. «Акмеистическая ясность» романа В. Набокова «Защита Лужина» // Набоковский вестник. – Вып. 6. – СПб., 2011. – С. 99-108.

¹³Коростелев О.А. Итоги двух десятилетий // От Адамовича до Цветаевой: литература, критика, печать русского зарубежья / ИМЛИ, Дом русского зарубежья имени А. Солженицына. – СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2013. – С. 7-20.

¹⁴Швабрин М.О. Полемика Владимира Набокова и писателей «Парижской ноты» // Набоковский вестник. – СПб.: Дорн, 1999. – Вып. 4. – С. 34-41.

¹⁵Шифф Стейси. Вера (Миссис Владимир Набоков): Биография. – М.: Независимая Газета, 2002.

посвященные Набокову, рассматривают поэтику и стиль писателя, которые соотносятся с разными художественными направлениями и эстетическими стратегиями (М. Голубков³, С. Давыдов⁴, В.В. Десятов⁵, А. Леденев⁶, М. Липовецкий⁷ и др.). Изучаются повторяющиеся, концептуально значимые детали, мотивы и образы, «кочующие» из одного текста в другой. Исследуется соотношение реального и метафизического плана в структуре набоковских романов, как, например, в известной монографии В. Александрова «Набоков и потусторонность»⁸.

Тем не менее, при громадном количестве подходов к творчеству прозаика и при высокой степени его изученности, до сих пор существуют не до конца проясненные аспекты. Например, к проблемам, недостаточно исследованным, относится феномен изображения человека в прозе Набокова. В частности, малоизученной является проблема классификации набоковских героев.

Безусловно, исследователи творчества В. Набокова в той или иной степени касаются вопроса типологии набоковских персонажей, создают некие оппозиции и даже выстраивают определенные «ряды» героев. Так, одной из первых попыталась классифицировать набоковских героев и создать своего рода типологические ряды З. Шаховская. Она, например, выделяет среди персонажей Набокова весьма обширную группу «писателей и биографов», «фокусников и обманщиков»⁹. Практически всех исследователей Набокова интересует проблема связи автора и его любимых персонажей, проблема отражения самой личности Набокова в созданных им образах, что становится основой для классификации по степени близости писателя и его героев. Об этом пишут Б. Бойд, А. Зверев, В. Александров, А. Ливри и многие другие. Оригинальной точки зрения придерживается А. Долинин, полагающий, что «центральной для всего творчества Набокова является оппозиция глубинного (истинного) и поверхностного

¹Шраер М.Э. Набоков: темы и вариации. – СПб.: Академический проект, 2000.

²Zimmer D. «Draußen vor dem Paradies. Ein persönlicher Nachruf auf Vladimir Nabokov» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.d-e-zimmer.de/HTML/1977VNnachruf.htm>. (дата обращения: 17.04.2013).

³Голубков М.И. Русский Сири́н: эстетизм как творческая позиция В. Набокова // Литературная учеба. – 2004. – №3.

⁴Давыдов С. «Гносеологическая гнусность» Владимира Набокова: Метафизика и поэтика в романе «Приглашение на казнь» // Набоков В.В. Pro et contra. – СПб., 1997. – С. 479- 490.

⁵Десятов В.В. Набоков и русские постмодернисты. – Барнаул.: Изд-во Алтайского ун-та, 2004.

⁶Леденев А.В. Поэтика и стилистика В.В. Набокова в контексте художественных исканий конца XIX – первой половины XX века: дисс... докт. филол. наук. – М., 2005.

⁷Липовецкий М. Эпилог русского модернизма // Набоков В.В. Pro et contra. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – С. 643-666.

⁸Александров В.Е. Набоков и потусторонность. – СПб.: Алетейя, 1993.

⁹Шаховская З.А. В поисках Набокова. – С. 49.

(ложного) восприятия мира»¹. Здесь, как мы видим, выстраивается оппозиция: «слепцы и профанаторы и их антагонисты – художники с зоркими глазами»². Создается своего рода типологический ряд – по возможности/невозможности увидеть свет подлинного мира. Исследователь Ж. Бло утверждает: близость Набокова и его героев проявляется не только в сходстве биографических моментов, но и в том, что каждый персонаж, наделенный даром, – в какой-то степени двойник писателя. Ученый, таким образом, находит некие черты сходства у целого ряда персонажей-двойников Набокова³. Литературовед Нора Букс предполагает, что романы «Машенька», «Подвиг» и «Дар» объединены установкой на псевдоавтобиографичность, и это – часть игры, которую Набоков постоянно вел с читателями⁴. По-своему пытается интерпретировать романы Набокова исследователь М. Мидарич в статье «Владимир Набоков и роман XX столетия», где, используя метод типологизации, делит романы писателя на несколько групп, и главным критерием при этом становится уровень автобиографизма⁵. Следует упомянуть и лингвистическое исследование М.Ю. Мухина «Лексическая статистика и концептуальная система автора». В работе предпринята попытка рассмотреть художественный мир Набокова сквозь призму частотного лексического анализа, что, в свою очередь, ведет к определенным выводам, тапизирующим в том числе и персонажей набоковской прозы⁶.

Однако подобные попытки типологизировать героев Набокова носят чаще всего эпизодический и весьма эклектический характер, использование метода типологизации в набоковистике – все же редкий случай, возникающий скорее стихийно, нежели преднамеренно, а ведь при кажущейся линейности, склонности к упрощению, типология способна привнести что-то новое и в литературоведческий анализ. Она позволяет под иным углом, сквозь призму обманчивой простоты рассмотреть литературных персонажей, выявить приоритеты автора. Тем более, что сам В. Набоков своими внелитературными высказываниями о реальных людях давал повод для такого классификационного подхода: «Остается набросать классификацию эмиграции. Я различаю пять главных разрядов:

¹ Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004. – С. 95.

² Долинин А. Там же. – С. 104.

³ Бло Ж. Набоков. – М.: Книга, 2001. – С. 124.

⁴ Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце: о русских романах В.Набокова. – М.: Книга, 1998. – С. 60.

⁵ Мидарич М. Владимир Набоков и роман XX столетия// Набоков: pro et contra. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – С. 457.

⁶ Мухин М.Ю. Лексическая статистика и концептуальная система автора. – Екатеринбург, Изд-во Уральского университета, 2010.

1. Обыватели, которые невзлюбили большевиков за то, что те у них отобрали землю, денежки, двенадцать ильфопетровских стульев.

2. Люди, мечтающие о погромах и румянном царе. Эти обретаются теперь с советами, считаю, что чувствуют в советском союзе Советский союз русского народа.

3. Дураки.

4. Люди, которые попали за границу по инерции, пошляки и карьеристы, которые преследуют только свою выгоду и служат с легким сердцем любимым господам.

5. Люди порядочные и свободолюбивые, старая гвардия русской интеллигенции, которая непоколебимо презирает насилие над словом, над мыслью, над правдой».¹

Позволяет нам говорить о методе типологизации как адекватном для художественного мира Набокова и особый аналитический подход автора к своим героям в пределах им выработанной художественной системы. Статичность, некоторая «овеществленность» персонажей Набокова делает возможной попытку классифицировать их и даже создать некие типологические общности внутри обширной и разнообразной персониферы художника. Поворот от анализа художественной концепции человека в творчестве В. Набокова к типологической идентификации конкретных общностей героев в разных произведениях писателя обуславливает **актуальность представленной работы**.

Отметим, что используемый нами термин «персонифера» появляется в статье Г. Хазагерова «Персонифера русской культуры»² и обозначает мир героев определенного автора, взятый в совокупности. Этот термин нам представляется наиболее удачным для обозначения многочисленных героев В. Набокова, и мы сочли возможным использовать его в этом значении.

Научная новизна работы заключается в том, что принцип типологии и систематизации вводится в рассмотрение персонажного мира прозы В. Набокова в качестве важного механизма формально-содержательного анализа конкретных текстов писателя.

Объектом исследования является обширный мир персонажей русских романов и рассказов В. Набокова, рассмотренных в их концептуальном и художественном единстве.

Предметом исследования стали те особые типологические общности персонажей Набокова, которые отчетливо выделяются в его прозе: герои главные и

¹См: Сахаров В.И. Вернется ли наследие? Штрихи к литературному портрету русской эмиграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature2/sakharov-98.htm> (дата обращения: 15.01.2016).

²Хазагеров Г. Персонифера русской культуры // Новый мир. – 2002. – №1. – С. 45-60.

второстепенные; разные варианты женских образов; дети; представители разных национальностей, разных профессиональных и социальных групп.

В качестве **материала** привлекается корпус русскоязычной прозы В. Набокова, а также американские произведения писателя, без которых некоторые типологические построения представляются нам неполными («Истинная жизнь Себастьяна Найта», «Под знаком незаконнорожденных», «Пнин», «Лолита», «Бледный огонь»).

Целью работы стал системный анализ персониферы В. Набокова, рассмотрение литературных героев писателя с точки зрения их типологической и функционально-содержательной общности, выявление неких упорядоченных связей между персонажами из разных художественных текстов творца с тем, чтобы обнаружить в их характеристиках внутреннюю логику художественного и мировоззренческого отбора самого автора.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

1) соотнесение отдельных типологически повторяемых качеств конкретных персонажей с той или иной художественной моделью человека, которую писатель создает и воспроизводит неоднократно в своих произведениях;

2) соотнесение отдельных персонажей с определенными и весьма обширными группами;

3) подробное аналитическое описание этих групп;

4) систематизация персонажного мира писателя в целом;

5) выявление роли, которую играют те или иные группы персонажей в общей метатекстовой структуре прозы Набокова.

Теоретической базой работы стали фундаментальные труды, посвященные проблеме изображения человека в литературе. Это, прежде всего, работы М.М. Бахтина¹, С.А. Бочарова², Л.Я. Гинзбург³, В.В. Кожина⁴, Л.А. Колобаевой⁵, Ю.М. Лотмана⁶, П.В. Палиевского⁷, В.Н. Топорова¹, Ю.Н. Тынянова², Б.А. Успенского³,

¹Бахтин М.М. Проблема творчества поэтики Достоевского. – Киев.: NEXТ, 1994; Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000.

²Бочаров С.А. Характеры и обстоятельства // Теория литературы в 3 т. Под ред. Г.Л.Абрамовича. М.: Наука, 1962.– Т 1. – С. 312 -326.

³Гинзбург Л.Я. О литературном герое. – Ленинград.: Советский писатель, 1979; Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – М.: Intrada, 1999.

⁴Кожин В.В. Голос автора и голоса персонажей // Кожин В.В. Статьи о современной литературе. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 58-72.

⁵Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX – XX вв. – М.: Изд-во МГУ, 1990.

⁶Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Избранные статьи: В 3 т. – Таллин: Александра, 1993.

⁷Палиевский П.В. Внутренняя структура образа. Литература и теория. – М.: Советская Россия, 1979.

Б.М. Эйхенбаума⁴, а также труды современных исследователей: Н.И. Николаева⁵, Т.А. Никоновой⁶ И.И. Плехановой⁷, Е.А. Яблокова⁸. Кроме того, теоретическим и методологическим основанием диссертации являются многочисленные работы, посвященные творчеству В. Набокова и литературе Русского Зарубежья в целом (Б. Аверин, Н. Анастасьев, Б. Бойд, А. Долинин, В. Ерофеев, А. Зверев, Ю. Левинг, Б. Носик, К. Проффер, В. Старк, Г. Хасин, М. Шраер и др.).

Методологическую основу исследования составил общепринятый в литературоведении метод традиционного структурно-типологического и сравнительно-исторического анализа. Используются также элементы историко-биографического анализа, без которого невозможно вести речь о персонифицированности В. Набокова.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении представлений о системе персонажей Владимира Набокова, а также в расширении возможностей применения метода типологизации при изучении творчества конкретного писателя.

Положения, выносимые на защиту:

1) Психологизм В. Набокова – психологизм особого рода, основанный на исследовательски-аналитическом подходе к человеку.

2) Типическое – существенная категория в художественном мире Набокова. В прозе писателя (как русскоязычной, так и англоязычной) отчетливо выделяются некоторые типологические ряды персонажей, которые несводимы к единому общему знаменателю (не универсальны), но весьма стабильны и существенны;

3) В обширном пространстве набоковской персонифицированности можно выявить следующие типологические общности: главные и второстепенные герои; образы женщин; образы детей; национальные и социальные типы. Среди главных героев отчетливо выделяются герои, наиболее близкие автору, его alter ego; герои с каким-то одним гипертрофированным качеством, чья позиция лишь частично соответствует авторской («метафорические» герои); герои – носители чуждого писателю мировоззрения («alter alter

¹Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М.: Прогресс, 1995.

²Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (К теории пародии) // Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1997.

³Успенский Б.А. Поэтика композиции. – СПб.: Азбука, 2000.

⁴Эйхенбаум Б.М. О прозе. – Л.: Художественная литература, 1969.

⁵Николаев Н.И. К вопросу об уточнении понятия «Литературный герой» // Вестник Северного федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2012. – №3. – С. 100-104.

⁶Никонова Т.А. «Новый человек» в русской литературе 1900-1930-х гг: проективная модель и художественная практика. – Воронеж: Издательство Воронежского гос. ун-та, 2003.

⁷Плеханова И.И. Литературный герой как «прототип» личности писателя // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №1. – С. 139-158.

⁸Яблоков Е.А. Хор солистов. Проблемы и герои русской литературы первой половины XX века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.

его» автора). Среди женских образов можно определить такого рода типологические ряды: женщины-девочки, женщины-“бабочки”, “роковые женщины”, женщины-спутницы творцов и гениев, женщины-матери. Образы детей являются в прозе Набокова отдельной группой, которую нельзя типологизировать никак иначе, кроме как по возрастным критериям. Среди национальных типов, созданных Набоковым, наиболее распространены образы немцев, американцев, англичан, но есть также и образы французов, и образы швейцарцев, и образы евреев. Отдельно можно говорить о национальном компоненте русских героев Набокова. Среди типажей, социально детерминированных, выделяются в особые группы политики, преподаватели, разного рода артисты, писатели.

4) Типическое у Набокова не является синоним схематичности, не исключает индивидуального и неповторимого в каждом персонаже.

5) Некая родственность между героями Набокова становится отражением логичности, последовательности набоковского мира, его продуманности и почти математической выстроенности, в целом метод типологии оказывается безусловно соприродным творчеству Набокова, органичным для его художественного мышления.

6) Анализ выделенных типов набоковских персонажей позволяет выявить творческие и личные приоритеты писателя.

Достоверность результатов обеспечивается:

- опорой на обширный базис фундаментальных и современных работ, посвященных как творчеству Владимира Набокова, так и литературе XX века в целом;
- охватом широкого круга произведений писателя; скрупулезным подходом к анализу художественного текста;
- логикой исследования, которая обусловлена классификационными критериями при рассмотрении персониферы В. Набокова.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее положения и выводы могут послужить основой при составлении методических рекомендаций и учебных пособий по изучению русской литературы XX века, могут быть использованы в вузовских лекционных курсах, посвященных как творчеству В. Набокова, так и литературе Русского Зарубежья в целом.

Апробация работы: основные теоретические положения и практические результаты работы докладывались автором на международных и всероссийских конференциях: Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи (Екатеринбург 2010, 2011); Актуальные вопросы филологической науки XXI века: студенческий взгляд (Екатеринбург, 2012, 2013, 2014); Русская литература в современном

культурном пространстве. Концепции семьи в парадигмах художественного сознания и авторских моделях (Томск, 2012); Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в ВУЗе и в школе – Лейдермановские чтения (Екатеринбург, 2013); Набоковские чтения (Санкт-Петербург, 2015). Отдельные части работы отражены в 12-ти публикациях, из них три – в журналах, аккредитированных ВАК.

Структура (введение, пять глав, заключение, библиографический список, состоящий из 272 пунктов) и внутренняя логика работы обусловлены классификационными критериями: **первая** глава посвящена оппозиции главных и второстепенных персонажей; во **второй** главе рассмотрен мир женских персонажей В. Набокова; в **третьей** – основой классификации становится детский возраст героев; **четвертая** глава – о национальных типах в произведениях В. Набокова русского периода; **пятая** глава посвящена социальным ролям, в которых реализуются герои писателя.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определены цели и задачи работы, научная новизна, представлена методология исследования, раскрыты теоретическая и практическая значимость, изложены положения, выносимые на защиту.

В **первой главе – «Главные и второстепенные герои»** – рассмотрена оппозиция главных и второстепенных персонажей в системе творчества Набокова.

Бесспорно, оппозиция главных и второстепенных героев появляется в произведениях практически каждого художника, но при обращении к прозе Владимира Набокова данное противопоставление оказывается ключевым для понимания системы его героев. Возможно, в этом проявляется внутреннее романтическое начало набоковского мироощущения, ведь для писателя-романтика всегда важно противопоставление героя-творца и окружающих его профанов, трагическое положение того, кто способен видеть больше, яснее, чем толпа вокруг. Это актуально и для структуры художественного мира Набокова в целом. «Приглашение на казнь» – самый яркий пример построения романа, при котором все второстепенные персонажи оказываются марионетками в театре созидательного воображения главного героя. Нечто очень похожее мы можем наблюдать в романе «Под знаком незаконнорожденных». Та же структура в менее гипертрофированной форме характерна практически для каждого романа писателя: Ганин – и все остальные, Лужин – и все остальные, Годунов-Чердынцев – и все остальные.

Набоков, вообще, один из тех прозаиков, которые придавали особое значение фигуре главного героя, оппозиция «главный» – «второстепенные персонажи» оказывается в его прозе постоянной и значимой. Однако, кроме этой, основополагающей и самой, разумеется, поверхностной классификации, и среди главных, и среди второстепенных героев В. Набокова мы выделяем несколько групп, персонажи которых объединены мировоззрением, характером, функциональной ролью в конкретном художественном тексте.

Вопреки установившемуся в литературоведении мнению, что все главные герои Набокова творцы и все напоминают автора, их круг неоднороден. Так, в первую очередь, можно выделить героев, максимально приближенных к самому автору, исполняющих роль его alter ego в тексте. Это как раз те персонажи, которым Набоков в большей или меньшей степени подарил собственное мировоззрение и элементы собственной биографии. К ним можно отнести Ганина [«Машенька»], Мартына Эдельвейса [«Подвиг»], Годунова-Чердынцева [«Дар»]. Эти герои обладают телесной и духовной целостностью и являются обладателями таланта, которого окружающие лишены: у Ганина – дар воскрешать прошлое, у Мартына – дар создавать воображаемые страны, у Годунова-Чердынцева – писательский дар.

Следующий типологический ряд главных героев Набокова – герои, которых можно условно назвать «метафорическими». К этому разряду мы отнесем персонажей, которым писатель также отдал часть своего мировоззрения, порой и биографии, но изобразил их как гипертрофированных носителей этого мировоззрения. Это, на наш взгляд, Лужин [«Защита Лужина»], Цинциннат Ц. [«Приглашение на казнь»], Смуров [«Соглядатай»]. Подобные герои также становятся хранителями Дара (дара игры в шахматы, дара всепроникающего зрения, дара связи с подлинным, а не бутафорским миром), который оказывается бременем, лишает своих обладателей возможности комфортного существования. Для окружающих эти персонажи «непрозрачны» в переносном и буквальном смысле. Их внутренний мир не только закрыт для посторонних, но не до конца ясен даже им самим, лишая их той гармоничности, что характерна для героев “alter ego”.

Есть и еще один разряд главных героев – наиболее неоднозначный. С этими персонажами, поставленными в центр произведения, сам автор не имеет, на первый взгляд, ничего общего. Это могут быть даже носители враждебного писателю буржуазного мировоззрения: Драйер [«Король, дама, валет»], Кречмар [«Камера обскура»], Герман [«Отчаяние»]. Они являются своеобразными alter alter ego автора.

Большинство литературоведов, причисляя их исключительно к «бесам незрячести», упускают из вида тот факт, что этим героям противопоставлены еще более пошлые, близорукие, не способные любить – такие, как Франц [«Король, дама, валет»], Горн [«Камера обскура»]. В результате сопоставления рассматриваемые нами образы оказываются в любом случае на более высокой планке в иерархии писательских ценностей.

Второстепенные персонажи, в свою очередь, могут быть классифицированы в зависимости от своих отношений и эстетического внутритекстового соотношения с главным героем. Так, мы можем выделить группу персонажей, связанных с главным героем, иногда оттеняющих его, но ему не противопоставленных. Это люди его мира, как бы часть его самого, зеркальное отражение, по сути – проекция его сознания. Это – члены семьи, соотечественники (например, Подтягин для Ганина [«Машенька»]), иногда – друзья (например, Дарвин для Мартына [«Подвиг»]). Кроме того, отдельную категорию здесь представляют персонажи-двойники главных (Кончеев для Годунова-Чердынцева [«Дар»], Турати для Лужина [«Защита Лужина»], Куилти для Гумберта Гумберта [«Лолита»] и т.д.). Причем эти двойники могут иметь различную оценочную семантику, как положительную, так и отрицательную.

Среди второстепенных героев необходимо также выделить особую группу персонажей-«пошляков» (Щеглов из «Дара», м-сье Пьер из «Приглашения на казнь»). Пошлость для Набокова – абсолютное зло, и он преследует и обличает это качество во всех его проявлениях. По словам самого писателя, «пошлость – это не только явная, неприкрытая бездарность, но главным образом ложная, поддельная значительность, поддельная красота, поддельный ум, поддельная привлекательность»¹. Замаскировать свою бездарность – основная цель таких персонажей. Иногда подобные герои оказываются в прямой оппозиции к главному, и эта оппозиция просматривается на протяжении всего произведения (Ганин – Алферов [«Машенька»], Цинциннат – м-сье Пьер).

Особый тип набоковских героев – персонажи с демоническими чертами, «выходцы из потустороннего мира» и, одновременно, – вполне реальные люди, представляющие собой своеобразную общность в мире, враждебном главному герою (Валентинов из «Защиты Лужина», Горн из «Камеры обскура»). Они умны, прагматичны,

¹ Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – М.: Независимая газета, 1996. – С. 388.

талантливы, безжалостны, воспринимают мир вокруг как грандиозную игру, в которой стараются сыграть с наибольшей для себя выгодой.

Набоков определенно выстраивает в своих произведениях некую оппозицию между героями. Она создается либо по всем характерологическим параметрам, либо по одному, но крайне важному, признаку. Ганин противопоставлен Алферову и портретно (крепкий, волевой Ганин и рыхлый, склонный к полноте Алферов), и на бытовом уровне, и в отношении к женщине, и в способности помнить (Ганин, воссоздающий погибший мир, – Алферов, не помнящий, чем он был в прошлой жизни). Зоркий (пусть не во всем) Драйер противопоставлен близорукому Францу. Мартын воспитывает в себе стойкость и стремится преодолевать препятствия – Дарвин движется по течению. Из бесконечного множества подобных контрпозиций можно вывести некую константную эстетически и, в то же время, мировоззренческую формулу писателя. Высшая ценность для него – обладание Даром, верность себе и своей истинной сущности, а самый страшный порок – отсутствие одаренности, желание скрыть это отсутствие и замаскировать внутреннюю пустоту ложной значительностью. О подобной контрпозиции писали практически все набоковеды, начиная с В. Вейдле, но пристальный анализ положения главного героя в художественной системе Набокова и его соотношение с другими персонажами делает этот вывод особенно наглядным, особенно доказательным.

Во второй главе – **«Варианты женских образов»** – рассматривается мир женских персонажей Набокова и выделяются несколько типов героинь. Ставя в центр своих романов и рассказов героев-мужчин, писатель, тем не менее, создает целую галерею своеобразных женских образов. В ней, безусловно, можно отметить некоторые закономерности и типологические, отнюдь не случайные совпадения.

В прозе писателя можно выделить целый ряд героинь, которых охарактеризуем так: совсем юные девушки, почти девочки, с только-только пробуждающейся женственностью (Машенька, Таня [«Дар»], Аннабель, Лолита [«Лолита»]). Эти женщины-девочки привлекают, с одной стороны, своей чистотой, наивностью, детской непосредственностью, а с другой, – женским обаянием, которое уже способно завоевать мужское сердце. В героинях подобного типа угадывается облик первой любви писателя – Валентины Шульгиной. И, возможно, благодаря воспоминаниям о первой любви и невозвратимой юности Набоков выписывает эти образы со щемящей нежностью. Здесь мы можем сказать и об особой категории набоковских героинь – так называемых девочках-нимфетках, таких, как Лолита, которая, по сути, еще ребенок, с детским обаянием и детским неразличением добра и зла, но воспринимающаяся героем как объект влечения.

Своеобразная и яркая женская линия у Набокова – линия, которую составляют героини, словно сотканные из воздуха и света (Эрика [«Король, дама, валет»], Нина [«Весна в Фиальте»]). Это женщины-бабочки, всегда находящиеся в движении, стремящиеся куда-то, а потому обрисованные бегло, легко. Для понимания писателя эти персонажи очень важны: они воплощают загадочную и неуловимую женскую прелесть, которую, безусловно, ценит Набоков.

В данной главе рассматривается еще один ряд женских персонажей Набокова – персонажей иного, отнюдь не позитивного плана, так называемых “роковых” героинь. Их галерея разнообразна: от играющих, притворяющихся, внутренне пустых героинь (Людмила [«Машенька»], Матильда [«Соглядатай»]), от тех, кто представляет собой скорее пародию на женщину (Марфинька [«Приглашение на казнь»], Лида [«Отчаяние»]) до тех, кто несет в мир зло и осознанно разрушает мужские судьбы (Марта Драейр [«Король, дама, валет»], Магда Петерс [«Камера обскура»]). В таких героинях находят свое полное воплощение черты, вызывающее глубокое неприятие писателя: приземленность, мещанская косность, жестокость, ненасытная чувственность, хищническое отношение к мужчине и к жизни в целом.

Однако в романах Набокова-Сирина можно выделить ряд женских образов, напротив, возведенных писателем на пьедестал. Они являются в какой-то мере воплощением набоковского идеала. Это женщины, ставшие спутницами жизни гениев, подруги творцов, которым нужна опора и поддержка в мире. К такого рода героиням можно отнести Перову, подругу пианиста Бахмана [«Бахман»], Аннелизу, жену Кречмара [«Камера обскура»], госпожу Лужину и, несомненно, Зину Мерц [«Дар»]. Любовь таких героинь – это самопожертвование. Они не стремятся к личному счастью, осознают, что, возможно, «будут дико несчастны» в браке, но остаются с любимыми. Для Набокова представляется ценной и эта способность жертвовать собой, и, самое главное, умение понять спутника жизни, быть созвучной его внутреннему миру.

Отношения матери и сына часто находят отражение в произведениях писателя. В русской прозе Набокова мы найдем целый ряд образов женщин-матерей (Софья Дмитриевна [«Подвиг»], Елизавета Павловна [«Дар»]). Эти героини не походят друг на друга, каждая представляет собой самодостаточный образ. Но их объединяет что-то задушевное, внутренне ценное, каждая из них очень дорога сыну. Связь матери и сына, которую невозможно определить словами, но которая неизменно ощущается, оказывается поистине неразрывной. Но есть и другие матери, которые не приносят в жизнь сыновей ничего светлого (мать будущего шахматиста Лужина [«Защита Лужина»], мать

Цинцинната Ц. [«Приглашение на казнь»]), и трагическая история таких героев во многом обусловлена отсутствием сильного материнского начала, материнской любви и заботы в их жизни.

Практически в каждом образе набоковских женщин можно выявить в большей или меньшей степени черты, связывающие его с определенной группой. Самые значимые группы мы попытались рассмотреть в данной главе. Эта связанность образов друг с другом, перекличка их между собой выводит нас к мысли о замкнутости «женского» мира Набокова, об особой выстроенности его и попытке подчинить этот мир законам художественной и личной мировоззренческой логики.

В **третьей главе** – «**Дети в произведениях Набокова**» – рассмотрены образы детей в творчестве Набокова. Практически ни один большой роман Набокова не обходится без упоминания детства героя, однако в этой главе речь идет об образах вполне конкретных детей в набоковских текстах – лишь о тех персонажах, которым не суждено стать взрослыми на страницах литературных произведений писателя. Их ряд не велик, но очень показателен, и к ним имеет смысл обратиться, поскольку они изучены гораздо менее подробно, чем сама тема детства в творчестве Набокова. А между тем, маленькие герои на страницах его произведений крайне важны, ведь их образы несут выразительнейшую семантическую нагрузку.

Дети у Набокова почти всегда прописаны бережно, каждый ребенок обладает характерными чертами внешности, характера. Обычно они несчастны, каждый по-своему, и очень часто в них подчеркивается беззащитность, душевная хрупкость, неспособность постоять за себя, выразить то, что мучает. Вместе с тем, писатель ценит и детскую отрешенность от бытовой стороны существования, способность «любоваться узорами жизни», удивляться фокусу с хлебными катышками или прислушиваться к звучанию пустого кувшина, видеть в ряде составленных стульев поезд.

Ребенок, как это видит Набоков, часто оказывается жертвой событий, творящихся вокруг. Его жизнь – словно показатель степени испорченности действительности. Он может стать жертвой жестокости безликой системы, невинной и совершенно случайной. Так происходит, к примеру, в романе «Под знаком незаконнорожденных», где маленький Давид погибает в результате бесчеловечного эксперимента, проводимого в тоталитарном государстве Падука с преступной системой власти. Или в романе «Подвиг», где разум четырнадцатилетней Ирины необратимо разрушен под воздействием страшных впечатлений от событий революции. Ребенок может быть исковеркан безумием мира, необратимо изменен им. Так Эммочка в «Приглашении на казнь» оказывается навеки

символически «обручена» с миром «неток». А в повести «Соглядатай» мальчики, воспитанники Смурова, поражают своим недетским, прагматичным отношением к действительности. Несчастья в жизни ребенка могут стать платой за ошибки взрослых (как происходит с маленькой Ирмой, дочкой Кречмара, в романе «Камера обскура», когда отец предает ее ради любовницы Магды). Отношение к ребенку оказывается у Набокова тем «моментом истины», который выявляет суть взрослых персонажей.

Но в то же время для писателя представляет интерес и процесс индивидуализации, выделения собственного «Я» из коллективного бессознательного, пробуждение взрослого, личностного начала в ребенке. В связи с этим мы выделяем возраст маленьких героев, который у Набокова всегда определен: восемь лет, когда ребенок еще полностью существует в «своем мире», видит все события сквозь особую призму (Давид); десять лет, когда ребенок уже входит в мир взрослых, ищет в нем свое место (Лужин); десять-двенадцать лет, когда ребенок стоит на пороге взросления, не желая отказываться от детской непосредственности (Эммочка, а потом и Лолита); пятнадцать лет, когда детство заканчивается (Цинциннат).

Четвертая глава диссертации – **«Разнообразие национальных типов»** – посвящена вопросу национальной составляющей персонажей В. Набокова.

С одной стороны, Набоков всячески подчеркивает непредвзятость своего отношения к представителям различных наций, с другой стороны, национальные стереотипы все же играют свою роль в его прозе. Так, невозможно ошибиться, утверждая, что немцы не вызывают симпатии писателя. Персонифицированный портрет немецкой нации, созданный Набоковым, является отнюдь не лестным. Практически все ее представители, явленные на страницах набоковских произведений, отличаются приземленностью, меркантильностью, ограниченностью, духовной близорукостью. Многие эпизодические образы можно назвать устрашающими, почти чудовищными. При том, что не все немцы столь примитивны (интересны в этом смысле образы Франца и Драйера [«Король, дама, валет»], Кречмара [«Камера обскура»]), в основе немецкой ментальности лежат черты, абсолютно чуждые писателю, и они «отравляют» любого жителя Германии, высвечивают любого «немецкого» персонажа его прозы.

Если говорить о представителях других наций, то они появляются на страницах набоковских текстов русского периода не столь часто. Нельзя, однако, не обратить внимания на колоритные образы англичан – зачастую эпизодические, но характерные. Для Набокова Англия – это, прежде всего, Кембридж, университетская жизнь, преподаватели и студенты, хотя нельзя не отметить, что «английское детство»,

«подаренное» Мартыну, является и составляющей жизни самого писателя. В таких романах, как «Подвиг», а позднее – «Истинная жизнь Себастьяна Найта» этот образ «университетской Англии» прорисован с ностальгической нежностью и одновременно – иронией. Британцы чаще всего сдержанны, замкнуты, по-своему чудаковаты, привержены многовековым традициям, даже если склонны слегка иронизировать над этими традициями (Дарвин, Арчибальд Мун, Горжет [«Подвиг»], мистер Бишоп [«Истинная жизнь Себастьяна Найта»]).

Встречаются среди героев Набокова и уроженцы Франции. Можно вспомнить, прежде всего, гувернанток и гувернеров-французов, то и дело появляющихся в произведениях писателя. И, возможно, по той причине, что французы являются «обязательной частью» детства писателя и многих его героев, они зачастую воспринимаются автором почти как соприродные русским персонажам. Французский язык рассматривается как второй родной, «французское чувство юмора в том, что касается отношений супругов» представляется симпатичным. Французское не то что не вызывает отрицательной коннотации, оно в принципе не отторгается, оно не «чужое», а практически «свое».

Изредка в прозе Набокова возникают венгры (Фердинанд из рассказа «Весна в Фиальте»), поляки (Роматновский из рассказа «Королек»), швейцарцы (Генрих, дядя Мартына [«Подвиг»]), целый ряд старушек-гувернанток, уроженок Швейцарии, описанных в романе «Истинная жизнь Себастьяна Найта», в автобиографии «Другие берега»). Кроме того, нельзя не упомянуть, что в жизни и творчестве Набокова определенную роль играют евреи. Будучи женатым на еврейке Вере Слоним, писатель всегда выказывал интерес и уважение к представителям этой нации. Персонажи-евреи зачастую оказываются образованными, обаятельными, обладающими широкими взглядами (ярким примером является Зина Мерц). Они открыты миру, принимают жизнь во всех ее бытовых и культурных проявлениях. Но, относясь к героям с еврейскими корнями с симпатией и уважением, писатель явно не акцентирует внимание на характерных национальных особенностях евреев, подчеркивая их отзывчивость миру. И все же представители перечисленных наций не слишком многочисленны, поэтому сложно выявить типологические черты, объединяющие их.

В произведениях второй половины творческого пути прозаика главными представителями «другой» национальности становятся уроженцы Америки. Персонажи, появляющиеся в таких романах, как «Лолита», «Пнин», «Бледное пламя» крайне колоритны, и мы, без сомнения, можем говорить об особом типе американца в

прозе Набокова. Если для образа немца доминантой авторского отношения были отталкивание и враждебность, то в случае с типичным американцем такой доминантой оказывается чаще всего ирония (с иронией описана прагматичная система американского обучения, типичность американских домов и т.д.). Писателю во многом чужда американская система ценностей с ее прагматизмом, утилитарностью, культом стандартности, отсутствием духовной глубины.

Национальная идентификация русских персонажей осуществляется в текстах Набокова различными путями. Набоков, разумеется, был весьма далек от таких понятий, как «русская идея», «евразийство» и т.д., которые для его эстетики слишком отвлечены и громоздки. Для писателя проблема самоидентификации русских персонажей тесно связана, прежде всего, с темой изгнанничества и сохранения своей национальной цельности за рубежом. Русские персонажи Набокова, как правило, эмигранты, поэтому ситуация «русский в окружении иностранцев» оказывается ключевой для понимания русской ментальности. Позиционирование себя как представителя русской нации в этой ситуации, с одной стороны, может быть показным, зачастую неискренним, базироваться на обращении к шаблонам и стереотипам («псевдорусские» вечера у Лужиных [«Защита Лужина»]), с другой стороны, оно может быть глубинным, внутренним, невыразимым: осознание бесценности воспоминаний о русском прошлом (Ганин [«Машенька»]), осознание кровной духовной связи с потерянной Родиной (Годунов-Чердынцев [«Дар»]). Таким образом, касаясь вопроса национальной идентичности, Набоков остается верен себе и своему принципу дуализма: «внутреннее» и «внешнее», «показное» и «сокровенное».

В целом можно сказать, что герои Набокова зачастую оказываются маркированы и даже предопределены своей национальной принадлежностью. Менталитет родной страны, без сомнения, накладывает отпечаток на нравственный облик персонажа, порой заслоняя его личностные качества, становясь основой характера. Особенно это характерно для тех героев, которые являются «проходными», эпизодическими. Но в любом случае определенная совокупность черт проявляется во всех образах, объединенных конкретной национальной принадлежностью.

В пятой главе диссертации – «Герои Набокова в их социальном и профессиональном статусе» – исследуются герои прозы В. Набокова с точки зрения их социального положения и профессионального статуса.

На первый взгляд, своих персонажей прозаик выбирает из достаточно узкого круга: в мире Набокова, как это заметила еще З. Шаховская, почти нет места людям низших

сословий. Действительно, представители некоторых «низких» профессий для писателя явно не представляют интереса, и люди, занимающие соответствующие социальные ниши, остаются для читателя масками. Так в «Машеньке» многочисленные берлинские швейцары, почтальоны, горничные остаются тенью. Они, словно статисты, окружают главных героев, не будучи наделенными собственными чертами характера. Хотя и здесь есть исключения: можно остановиться, к примеру, на своеобразном ряде героинь – это хозяйки пансионатов, в которых останавливаются героини-эмигранты (Клара Стобой [«Дар»], госпожа Дорн [«Машенька»]), в чьих образах сошлись ирония (связанная с отношением героя к окружающей немецкой действительности) и тоска по дому, по матери, по родине. Кроме того, нельзя сказать, что Россия Набокова совсем «безнародна»: в его произведениях можно встретить сельского учителя Василия Мартыновича, повара, садовника, кучера из поместья Выра [«Другие берега»].

Не слишком много внимания уделяется Набоковым всевозможным работникам контор. Канцелярские работники, как правило, безлики, либо довольно неприятны. Карикатурны, например, служащие конторы, где работает Зина Мерц [«Дар»]. То же самое касается лавочников (Пильграм из одноименного рассказа). И дело здесь, скорее всего, даже не в бесполезности труда служащих (категория пользы, как известно, никогда не была близка писателю), а в мертвящей скуке этой работы, иссушающей душу, не дарящей вдохновения. Даже обучение подобному роду деятельности напоминает механическое заучивание движений в неинтересной игре (вспомним, как Франц обучался ремеслу продавца).

Нельзя не вспомнить и об особом типе набоковских персонажей: путешественников, исследователей, первооткрывателей, которые проводят жизнь в поисках «летучего, обольстительного нечто». Это, например, герои рассказа «Terra incognita», Константин Кириллович Годунов-Чердынцев из романа «Дар». У Набокова подобные образы всегда цельны, яркие, окружены романтикой, они редко раскрываются подробно, но о них всегда говорится с уважением. Не случайно так любил Набоков в детстве романы Жюль Верна, а в юности ценил и любил поэзию Н. Гумилева.

Отдельно рассматриваются в этой главе персонажи-политики, общественные деятели. При обращении к исследованиям набоковедов, касающихся отношения Набокова к политике (С. Шифф, А. Назарян, М. Шишкин, Н. Елисеев, А.Д. Васильев и др.), мы приходим к выводу, что аполитичность писателя по большей части – настоящий миф. Набоковские герои, связанные с решением политических вопросов и с общественной значимой деятельностью, довольно противоречивы: в этом ряду, к примеру, почти

гротескный Васильев [«Дар»] и положительный Зиланов [«Подвиг»]. Несмотря на прохладное отношение Набокова и его любимых героев к понятиям «народность» и «гражданственность», назвать Набокова аполитичным и отнести всех его героев, связанных с общественной сферой, к отрицательным – невозможно. Персонажи, не создающие вокруг себя шума, искренне преданные своему делу, заслуживают уважения. Герои, заинтересованные в судьбе родины, стремящиеся принять в ней участие (Грузинов [«Дар»], Василий Васильевич [«Защита Лужина»]), не могут служить объектом иронии. Неприятны Набокову герои, которые стараются замаскировать внутреннюю пустоту пафосными речами и видимостью активной общественной деятельности (Щеголев [«Дар»]).

Конечно, нельзя забывать о том, что важная тема набоковского творчества – преподавание и люди, им занимающиеся. Многие персонажи Набокова что-либо преподают (Мартын [«Подвиг»], Годунов-Чердынцев [«Дар»], Иванов [«Совершенство»] и др.). Причем, как правило, это занятие является вынужденным, оно не связано с вдохновением и не приносит удовлетворения. Но в центре нашего внимания в данной главе оказывается типаж наиболее колоритных персонажей Набокова этого плана: не просто учителей того или иного рода, но именно университетских преподавателей. В произведениях русского периода данный типаж представлен немногочисленными персонажами, и это связано, скорее всего, с тем, что для писателя на тот момент знакомство с университетской жизнью было сопряжено лишь с обучением в Кембридже, т.е. знакомство с ролью университетского профессора было взглядом «извне», а не «изнутри» (здесь можно вспомнить лишь Арчибалда Муна, преподавателя русской словесности в романе «Подвиг»).

По-настоящему ярким и проработанным тип университетского профессора становится в романах американского периода, что связано с биографией самого писателя: именно в Америке Набоков попробовал себя в этой роли. Здесь представлены как различные типы профессоров (чудаковатый Пнин, энтузиаст Клементс, формалист Блорендж и др. [«Пнин»]), так и жизнь университета в целом.

Можно заметить, что к своим персонажам-преподавателям писатель относится двойственно. С одной стороны, преподавание не чуждо писателю, и ему во многом близки персонажи, связанные с этим родом деятельности. С другой стороны, вынужденный прибегнуть к учительскому ремеслу как к средству выживания, Набоков относится к преподаванию (и к себе как преподавателю) с легкой, но ощутимой иронией. И эта тенденция двойственного отношения проявляется достаточно явно, начавшись в глубине

«русского» периода образом Арчибальда Муна и продолжившись в периоде «американском».

Наконец, крайне значительную роль играют в творениях Набокова артисты самого разного рода: художники, танцоры, фокусники и другие представители творческих профессий. Эти люди отличаются каким-то особенным, только им свойственным видением мира.

В центре набоковской персониферы находится артист особого рода, для которого творчество – единственно возможный способ существования, – писатель, Проблема творчества как процесса и фигура того, кто является ключевым звеном этого процесса, всегда являлась предметом рефлексии Набокова. Круг писателей в его произведениях представлен теми, кто в действительности наделен Даром, и теми, кто лишен его, посредственностями, не способными создать что-либо выдающееся. К последним относятся, например, многие члены берлинского сообщества писателей из романа «Дар», «глухие слепцы с заткнутыми ноздрями»: Ширин, Шахматов, Васильев, по сути, и Чернышевский, тоже появляющийся на страницах романа. Подобные герои, искренне полагающие, что они писатели, определяются Набоковым как шарлатаны, лишённые той особой зоркости зрения, того «шестого чувства», той способности видеть подлинный мир за декорациями, которое отличает подлинного творца. Причем часто эта олицетворенная посредственность ведет себя достаточно активно и даже воинственно. Примером может служить Фердинанд, герой рассказа «Весна в Фиальте». Интересен в этом плане Бубнов [«Подвиг»], который, казалось бы, не лишен таланта, но его отношение к собственному дару явно не является предметом набоковского одобрения. Для Набокова неприемлема «толпа», «группа», «школа», «мастерская» одаренных людей. Творчество, по его мнению, не терпит коллективности, сравнения друг с другом, доктрин, наставничества – писать можно только в уединении. И потому Бубнов, считающий себя своего рода «монархом» в толпе молодых писателей, становится комической фигурой.

Некоторые творцы оказываются загадкой для читателя, так как описаны лишь «со стороны», без возможности проникнуть в их внутренний мир и проследить за процессом рождения произведения. Таков, к примеру, Кончеев, в котором, без сомнения, скрыта искра подлинного таланта, но который проходит по страницам «Дара», так и не раскрывшись. Таковы Джон Шейд из романа «Бледный огонь», Антон Сергеевич Подтягин, русский поэт, сосед Ганина по пансиону [«Машенька»].

Среди настоящих художников, наиболее ярко и подробно прописанных, выделим Федора Годунова-Чердынцева и Себастьяна Найта. В данном случае чудо творчества

рассматривается уже с иной точки зрения: не извне, а изнутри. Эти образы, без сомнения, являются олицетворением всего лучшего, что Набоков вкладывал в понятие «писатель». Творящие сами по себе, а не в «общем доме» искусства, сознательно избравшие одиночество, загадочные, глубокие натуры, они бесконечно далеки как от быта, так и от политики. Для них существует только одна подлинная реальность – жизнь слова.

Вообще, профессиональная принадлежность персонажей и положение на социальной лестнице оказываются при ближайшем рассмотрении значимыми характеристиками для Набокова, в его творчестве выстраивается своего рода градиция: от мимолетно упомянутых людей «из народа» и безликих служащих, деятельность которых описана без всякого интереса, до художников-творцов.

Однако все далеко не так очевидно: зачастую отношение писателя к чуждым для него социальным категориям оказывается далеко не простым, что можно отметить на примере героев-политиков. Классифицируя набоковских персонажей по роду их профессиональной деятельности, мы часто можем говорить не столько об их действительной специальности, сколько, прежде всего, о призвании, склонности натуры к тому или иному роду занятий. Мы не можем, к примеру, вести речь о путешествиях или собирании бабочек как о профессии, но можем назвать это своего рода амплуа, определенной ролью, которую персонаж играет в мире Набокова. Для писателя мир социальных ролей оказывается игровым полем, шахматной доской, где у каждой фигуры – определенное положение и траектория движения: кто-то способен передвигаться по всему полю, а кто-то связан только с двумя соседними клетками. Любимые герои Набокова всегда более свободны, чем остальные, именно они могут выбирать и менять род деятельности. Кто-то может оказаться на «чужом поле», как «ненастоящий» коммерсант Драйер. Профессия зачастую дает ключ к пониманию внутреннего мира героя: «общественный» герой процеживает жизнь через сеть пустых слов и общих понятий, а карикатурист внимателен к мелочам и подмечает нечто смешное в каждом проявлении жизни. Университетские профессора и служащие контор живут в разных мирах.

В Заключении подводятся основные итоги исследования.

Владимир Набоков реализовал в своих художественных текстах собственную систему изображения человека в литературе, которая всецело соответствовала структуре его личности, его мироощущению, его ценностным представлениям. Человек в художественном мире писателя – не столько внутренний, сколько внешний, вербальный, физиологический, показанный «с той именно стороны, какой он повернут к нам» (В. Вейдле).

Вглядевшись в великое многообразие набоковских персонажей, мы попытались выявить черты сходства, объединяющие и, безусловно, типологизирующие героев из разных художественных текстов писателя.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что герои Набокова, несмотря на кажущуюся неповторимость, во многом отличаясь друг от друга, образуют определенные типологические группы, каждая из которых играет свою роль в персониферии писателя. Хотя, по словам одного из персонажей прозаика, «художник видит именно разницу, сходство видит профан», для самого писателя та или иная общность является не менее важной, чем различие.

Некая родственность между персонажами становится отражением структурной последовательности набоковского мира, его преднамеренной выстроенности. Даже весьма частотная у Набокова акцентировка несопоставимых качеств выводит нас к полярности мышления писателя, внутренней и в то же время гармоничной рациональности его творческого метода.

Проведенная работа по выявлению сходных черт набоковских персонажей и созданию нескольких возможных классификаций (по гендерному, возрастному, национальному, социальному основанию) позволяет в очередной раз подтвердить, что Набокова можно воспринимать как писателя «метароманного» характера, создававшего на протяжении всей своей жизни единый метатекст, в котором менялись пространство и время, но сохранялось единство аксиологическое, реализуемое, прежде всего, в образе и точке зрения автора, а, с другой стороны, в образе и точке зрения его героев.

Разумеется, выявленные нами типологические парадигмы не претендуют на право считаться единственно возможными и окончательными. Это – лишь попытка интерпретации набоковской персониферы сквозь призму анализа образов, живущих своей сложной жизнью на страницах произведений писателя.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, утвержденных ВАК РФ:

1. Накарякова А.А. К вопросу о национальной идентичности героев Владимира Набокова: «Русские» “среди призрачных иностранцев” // Известия Уральского

Федерального университета. – Серия 2 «Гуманитарные науки». – Екатеринбург, 2014. – №2 (127). – С. 67-75.

2. Накарякова А.А. Творчество Владимира Набокова: политический аспект // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2015. – Вып. 1 (51). – С. 193-201.

3. Накарякова А.А. Преподаватели в галерее набоковских персонажей // Известия Уральского Федерального университета. – Серия 2 «Гуманитарные науки». – Екатеринбург, 2015. – №4 (145). – С. 200-209.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Накарякова А.А. Типология женских образов в прозе Владимира Набокова // Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи // <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/3310>.

5. Накарякова А.А. Несколько слов о психологизме Владимира Набокова // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – №2. – 2011. – С. 57-64.

6. Накарякова А.А. «Нежность мира»: дети в творчестве Владимира Набокова // Филологический класс. – 2011. – №26. – С. 48-53.

7. Накарякова А.А. Дискурс детства в романе Владимира Набокова «Bend Sinister» («Под знаком незаконнорожденных») // Зарубежная литература: контекстуальные и интертекстуальные связи. – Екатеринбург, 2012. – С. 108-113.

8. Накарякова А.А. Типологический подход к проблеме литературного героя в творчестве Владимира Набокова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: студенческий взгляд. – Екатеринбург: УрФУ, 2012. – С. 376-383.

9. Накарякова А.А. Семейное неблагополучие как тема творчества Владимира Набокова // Русская литература в современном культурном пространстве. Концепции семьи в парадигмах художественного сознания и авторских моделях. – Томск: Изд-во ТПУ, 2012. – С. 77-84.

10. Накарякова А.А. Архетипы в творчестве Владимира Набокова (на примере сборника рассказов «Возвращение Чорба») // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. – Екатеринбург, УрФУ, 2013. – С. 162-170.

11. Накарякова А.А. Образы-архетипы в творчестве Владимира Набокова (Сборник рассказов «Возвращение Чорба») // Филологический класс – 2013. – №32. – С. 77-81.

12. Накарякова А.А. Образы немцев в «русской прозе» Владимира Набокова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. статей по материалам

IVМеждунар. науч. конф. молодых ученых, посвященной 80-летнему юбилею кафедры иностранных языков (7 февр. 2014 г.). – Екатеринбург: УрФУ, 2014. – С. 331-337.